

Михалков Никита
Сергеевич

30805

НИКИТА МИХАЛКОВ:

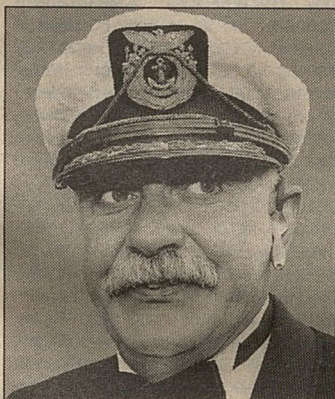
Культура. — 2005. — Забл. — с. 8 Интеллектуальный Макдоналдс — не лучшее место общения

Никита МИХАЛКОВ приехал на "Золотой абрикос" получать приз за вклад и представлять картину "Статский советник". В Ереване он не был лет 15, пробыл там пару дней, но успел высказаться на самые разные темы, иногда сам упреждая вопросы. Носил свою знаменитую капитанскую фуражку и рубашу в оранжевых попугах. Был доступен, раскрепощен и благожелательно настроен. Таких мы в Москве его уже сто лет не видели. А все дело в том, что Ереван встречал Михалкова, как только умеют встречать в этих краях, — хлебо-солно, с обожанием, простодушно.

Фестиваль — не общежитие

— Известно, что нет пророка в своем Отечестве, поэтому у меня достаточно сложная жизнь и сложное ко мне отношение. Раньше это мешало, а сейчас даже стимулирует, и я совершенно не намерен никому объяснять, какой я есть. Если пресса из меня делает монстра, а потом сама его и боится, пусть будет так, это уже не моя проблема. Нравится вам иметь дело с уродом — имейте. Не отвечаю на неправду, клевету и оскорбления в мой адрес. Не могу сказать, что я — идеальный человек, но есть вещи, переходящие границы. Для людей с психикой более нежной, подобное бывает трагичным. Достаточно много художников в нашей истории было убито негативным мнением о них. А потом выяснялось, что мнение это неправильное. Есть, правда, такие люди, что, скажи они обо мне хорошо, я бы действительно оскорбился.

Что мне понравилось в Ереване, так это атмосфера, внутренний такт людей, даже тогда, когда они толкают тебя, требуя автограф. Я-то считаю, что человек, у которого просят автограф, не имеет права отказывать. Это его крест. Презираю тех, кто говорит "Надоело!". Ты для этого работаешь, и человек, который тебе улыбается, знает тебя, убежден в том, что и ты знаешь его. Нельзя его разочаровывать. В Ереване я почувствовал доброжелательность даже не ко мне лично, а к своим. Вот порой чего мы лишены в нашей стране. У нас ведь какое отношение ко всему: если звезда не приехала, то это звезда, а уж как только появилась — ничего она не стоит. На МКФ второй год под-

Н. Михалков

ряд главный приз получает русская картина. И начинается — "Мы возвращаемся к временам Черненко". Елки-малки! Международное жюри единогласно присудило твоей Родине приз! Радуйся, собака! Фестиваль — это что, общежитие, что ли, где полы надо мыть по очереди? Сегодня пятая комната, завтра шестая. Мы все время находимся в борьбе, в оппозиции. Конечно, художник должен бороться, но когда есть с чем. Наша пресса писала, что я на Каннский фестиваль на яхте приехал. Бред! Врущий рассчитывает, что я среагирую на его вранье. Эсминец у меня или аэроплан — пусть говорят, что угодно. В голову не приходит людям, что, может быть, я просто человек приличный. Мы научились подходить друг к другу с точки зрения отрицания, обвинения.

В Москве предпочитаю пельмени

— Я бы посоветовал всем, и фестивалям в частности, по возможности опираться на свое, нежели делать так, как другие. Это всегда лучше. Я не хочу быть понятным, хочу быть понятным, потому что континентальный брэкфест в "Мариотте" или "Шератоне", в какой бы стране эти отели ни находились, один и тот же. Если вы вчера выпивали, а утром проснулись в таком отеле, то не поймете, где вы — в Йогурту, Ереване или Чикаго. Я хочу в Москве есть пельмени, и купаты — на Кавказе. Есть два ошибочных пути в творчестве: делать, как у людей, либо как угодно, но не как у лю-

дей. А меня интересует, как ты конкретно думаешь. Все остальное, среднеарифметическое, могу получить в Интернете.

Как только вы начинаете пытаться понять веру, то тут же перестаете верить. Почему, как мне кажется, Всевышний перестал являть чудеса, как это было в IX — XI веках? Потому что ему стали говорить: "Ты прикажи, тогда я поверю". Европа думает, что если пятнадцать стариков объединятся, то получится одна молодость. Это будет хороший дом, но для престарелых. Почему у них не проходит референдум по объединению? Потому что сопротивляется культура. Интеллектуальный Макдоналдс — не лучшее место общения. Индивидуальность есть основа всего — культуры, народа, истории. Другое дело, когда говорят, что я лучше тебя, потому что лучше. А когда я говорю, что люблю свое, и предлагаю тебе тоже его полюбить — это совсем иное. Первое — шовинизм, второе — патриотизм.

И боевик прекрасен

— Кино делю на хорошее и плохое, неважно — боевик это или нет. "Бонни и Клайд" — боевик, при этом замечательная картина. "Крестный отец" — блокбастер с кровью, интригой, но это великое кино. "Пролетая над гнездом кукушки" — не боевик, но держит, как боевик. Я не сторонник того, чтобы выступать против того или иного жанра. Я против того, что плохо сделано. Когда режиссер, не имеющий права снимать кино и не знающий профессии, берется за дело только потому, что дали денег, тогда, кроме напех спянного кровавого месива, ничего не будет.

Масштабное кино отравляет. После "Сибирского цирюльника" мне стало оно интересно. Увлекательно занимать объем кадра десятками тысячами людей.

К устрицам нужна картошка

— Это парадокс, но чем строже была цензура, заставлявшая творцов искать пути высказывания, тем больше открытий случалось в кинематографе. Хотя, как кто-то сказал, жанр басни — это жанр рабов, где инскажаниями высказываешь все то, о чем думаешь. Сейчас, казалось бы, все можно. Прорублено не окно в Европу

даже, стена проломлена в мир. Мы думали, что оттуда к нам хлынет свежий воздух. А нам подставили ассенизаторскую трубу и слили все, что сами уже не смотрят, вместе с просроченными лекарствами, куриными ножками, которые нельзя брать в рот. Мы наелись и поняли, что это совсем не то. Когда-то мы приходили во ВГИК к семи утра, чтобы посмотреть Трюффо и Вайду. Сегодня нам доступно все. Информации море, и это замечательно. Задаю вопрос: усовершенствовалась ли она мастерство? Нет. Мы имеем клиповое мышление и не можем простыми словами рассказать историю так, чтобы зрительный зал затаил дыхание. Оказалось, что не так-то просто заставить людей плакать и смеяться. Раньше была школа. При чудовищной цензуре, доходящей до идиотизма (в фильме про Чиполлино выкинули персонажа — пародию на Джеймса Бонда только потому, что номер агента совпал с номером партбилета Ленина), тем не менее существовал Тарковский. В кинодержаве могут творить Муратова, Сокуров и Герман, когда работают Давелия, Гайдай, Бондарчук и Озеров. Питаться одними устрицами невозможно. Сойдешь с ума. Нужны картошка, хлеб и мясо. Сегодня неволи нет. Но есть зависимость пострашней — от чужого мнения, американского кино, того, как "они" там думают.

Сосредоточимся!

— Может ли кино спасти? Я не ставил бы перед собой такой задачи — спасти человека. Русское искусство строилось всегда на катарсисе, очищении. Мы потеряли уважение к жизни и смерти. Проще всего пугать. На экране убивают тысячи людей — никого не жалко. Уже не интересно, за что убили. Важно как. Федор Михайлович написал 600 страниц текста о том, как молодой человек коннул никчемную старушку и что с ним потом стало. Он не убивал тысячи, всего одну. Но что же произошло в нем самом и вокруг него, когда он лишил человека жизни! Какое сосредоточение! Единственное спасение — в сосредоточении художника.

Записала
Светлана ХОХРЯКОВА

Фото ИТАР-ТАСС